

✓ Людмила КОПЫЛОВА (1940–1990) – поэт, журналист с латышского, ученица Арсения Тарковского, жена поэта Геннадия Русского. Окончила Литературный институт имени А.М. Горького. Автор поэтических сборников «Зарождение дождя» (1978), «Счастливая полоса» (1984), «Близость по лужинной траве» (1990). Лауреат премии Я. Райниса. Жила в Москве.

НА ЭТОЙ ДИВНОЙ И МУЧИТЕЛЬНОЙ ЗЕМЛЕ

Звери, которые видели нас
(ёжик под яблоней нас разбудил).
Птицы, которые слышали нас
(дрозд нас оклёвышем вишни кормил).
Да, я забыла – ещё и лиса
в поле по житку неслась без оглядки.
Лоси волнами текли сквозь леса.
Крот выпирал, точно репа, из грядки.

Разве мы можем расстаться теперь,
если нас видели птица и зверь?

Там, где луга
легли к Оке,
я выросла
на молоке.

А мой любимый –
на воде,
на лебеде
да на беде.

Я столько лет в тебя гляжу
в упор и без отрыва.

Так небо смотрит на межу,
когда цветёт крапива,
и снова смотрит на межу,

сама с собой не сладя,
когда и лист уже пожух.

В погожий день в тебя гляжу
и с облаком во взгляде.

НАПЕВ

Я плету плетень с одного конца,
а с другого он расплетается.
Для чего стучат, как одно, сердца,
а настанет день – разлучаются?

Ты плетись, плетень, я тебя скреплю
свежей лыкою...
Милый друг, я тебя люблю
не любовью дня,
а великою.

И ем, и пью –
не умираю,
хоть без тебя и день не в день.
За огород ветла сырая
прошла, откладывала тень.

И если я за нено в поле
по следу влажному иду,
то это делаю незлодей –
как позабывшийся,
в бреду.

По листьям льётся свет,
а понизу – остуда.
Тебя со мною нет,
и писем нет понизу.
Тревогу пополам
с надеждою незрячей
несу я по утрам
к ветле, в посёлок грачий.
Хоть в сердце песни нет,
берётся нивоткуда:
«По листьям льётся свет,
а понизу – остуда...»

Я живу как царица:
сплю на пуховой перине,
платье дарю сестрице,
темноволосой Ирине.

Я ношу, как царица,
перстни свои и кольца.
Кожа моя боится
ветра, дождя и солнца.

Я сижу, как царица:
жду молодого мужа.
Здесь в дубовой светлице
нам приготовлен ужин.

Муж войдёт, да не весел,
кликнет коня, ускачет.
Плачу по-деревенски,
как не царица, плачу.

Г.Р.

* * *

Три ночи твой го́лос
толкался о звёзды,
и паузы были
как вымерший воздух,
где нет и не будет
ни круглой воды,
ни стрелчатых крыл,
ни комарьей дуды,
направленной в небо
отважно и круто...

«Заканчивайте разговор!
Последняя минута!»

* * *

На этой дивной и мучительной земле,
в снегу пушистом и в сухой золе
мы выстоим, любимый.
Устоим.
Не в одиночку жить нам.
А двоим.
Что будет с нами,
знать нам не дано.
Оно и лучше.
Так заведено.

* * *

Не нагладелась я
за реку из жилья,
за луг, на облака.

И как твоя рука
вниз по моей течёт, –
не нагладелась.

Двадцать лет не в счёт.

* * *

Наконец-то хлынул ливень –
небо в перекосах линий.

Наконец-то ты приехал...
И заждавшееся эхо,

точно голос твой, в раскат
обегаёт палисад.

Обегу тебя рукой –
как слепая: кто такой?

* * *

Паука смету в углу.
А подпечную золу
под крыжовник брошу –
прямо на порошу.

Затопила. Можно жить,
раз к тому душа лежит.
Если лечь со мной спешит
тот, к кому душа лежит.

* * *

Рано стемнело.
Стихло.
Будто декабрь давно,
будто мачеха выгнала
девочку в платье лёгком
и швырнула корзинку:
– Не приходи без цветов!

Ты всё молчишь сегодня
и ничего не ждёшь.
Кликни.
Я в лес пойду.
Может, к утру холодному
синий цветок принесу...

* * *

Нет ничего страшнее
памяти наших любимых:
памяти тёмной и верной –
памяти не о нас.

* * *

Откуда это всё взялось?
Я отступаюсь –
я не знаю,
откуда эта песья злость,
откуда эта злость цепная.

И это ты меня качал
в ладони –
вмятине горячей, –
от ночи дня не отличал
и тыкался в плечо незряче?

* * *

Мы прожили день в разладе.
В разлинованной тетради
в этой клетке – жизнь твоя,
в этой клетке – жизнь моя.

Но бумага вся сырая...
Боль из клеток выпирает.

* * *

Галка на заборе
хохлится к ненастью.
Горе моё, горе –
перевёртыш счастья.

* * *

Ты спокойно смотришь, как я плачу.

Чтоб мне сморщиться, съёжиться,
ссохнуть маковым зёрнышком!
Чтобы соль разъела меня!
Чтоб разлиться рекою,
идушей вдоль берега,
где ты спокойно смотришь, как я плачу!

* * *

Сказать ему: «Мне всё равно»,
спокойно поглядеть в окно.

А после, горе оголя,
просить: «Прими меня, земля!»

* * *

*...И не все разновидности боли
я успел испытать на веку.*

Геннадий Русаков

Мне больно – голая доска
дождём к столбу прибита.

Дороги известковый скат –
коровьей соли слиток.

Пила моих косых дождей
перепилила поле.
Грязища. Всё как у людей.
Узнай все виды боли.

* * *

Стук падающих яблок,
Звездопад.
Как звёзды, яблоки роняет сад
всю ночь
на ровный стол суглинка,
И отчуждёньем поединка
уже отягощён рассвет.
И расширяется просвет,
просвет меж нашими телами, –
как в сентябре
между стволами.

* * *

На этой земле и картошка вкусней.
И звёзды над снегом намного крупней.

На ней я смеялась.

И плачу на ней.

* * *

Пороша на земле совсем свежа –
её не затоптали даже птицы.

Как дерево не может убежать
и за постройками от ветра скрыться,
так я ни шагу сделать не могу...

Стою босая на твоём снегу.

* * *

С другою я делить тебя не стану.

Но в воздухе не стаснет полоса,
где мы тянулись к песенному стану,
друг другу выправляя голоса.

* * *

Как в темноте качаются сады!

Окружные предплечные воды
ни подтвердят в глубине суглинистой.
А сверху, облака волною длинной
текут, как и вчера всю ночь текли.

И в стою во внимании земли
меж небом и водой
в качающемся саду.

Здесь счастье приняла.
И здесь приютила беду.

* * *

В стеклованный день,
в молчаливом освещенье –
плотнее тень и шире размещенье
разлукой, перелеском и полей,
когда смотрю на них с поры моей.
Ручей рекою ширится во рву.
Разлука – шире.

Не переплышу.

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ

Когда с полей осенний дух
на склоне дни задышит влагой,
когда ты, молчалив и сух,
сидишь над книгой и бумагой, –

я вижу:
отступило лето,
леса рукою осеня.
Потухла в небе сетка света...
Родной, ты разлюбил меня.

* * *

Да что ж такое?
Что со мной?
Зачем мучительно молчу
и как чахоточный больной
и жгу,
и жгу в ночи свечу?

Полдня на солнце протопчу –
лечу
по резкому лучу.
И задышусь,
и кричу:
– Хочу к тебе,
к тебе хочу!

* * *

И лишь за той чертой,
на дальнем берегу,
я выдохнуть расслабленно смогу.
И, руки уперев у подбородка,
пристать к тебе,
как спасаюсь лодка.

* * *

Рядом – дыхание. Милый уснул.
 Это дыханье – дыхание сада,
 что до травы накрывает весну.
 Большого не было. Нет. И не надо.

* * *

Как медленен отлив!
 Всё ниже кромка спада...
 Навет несправедлив,
 но даже в нём – улада.

Я – от тебя? Куда?
 Уйти – да не отринуть...
 Так от песка
 вода
 уходит, чтоб нахлынуть.

САМОПОВТОР

На этой дивной и безжалостной земле –
 в снегу раскисшем
 и в сухой золе –
 люблю тебя.
 И буду повторять.
 Опять.

* * *

Хоть тучи нависают краем низким,
 весь день ненастный солнце где-то близко.
 Находят на песок большие воды.
 Подходят к завершенью переводы.
 Подходит к завершенью отрешенье.
 Любимых губ любимое скольжение.

* * *

Всё было на земле –
 и слава Богу.
 Не я одна глядела на дорогу.
 Не я одна –
 как первая –
 ждала.
 Всё было на земле.
 И я была.

* * *

Под яблоней укрылась от дождя.
 Но брызнул свет немного погоды.
 И я, в ладони света нацедив,
 пошла по бархатной подкладке нив

под жаворонком.
 Над своей судьбой.

С тобой.

* * *

Какой покой, какая благодать
 тебя в толпе внезапно угадать
 и в сумерках брести домой,
 мой поводырь и врачеватель мой!
 Там ждёт нас хлеб и чистые крыла
 бумаги, что от голода бела.
 Но мы с тобою хлеба поедим
 и зёрен слов ей поклевать дадим.

* * *

И это – счастье? Плачу в темноте.

Да, это счастье. Рядом на тахте
 уснул любимый. Он ещё со мной
 на гибельной поверхности земной.

* * *

Мы с тобой ещё походим по Кремлю
 (я тебя по-прежнему люблю).

Мы с тобой
 ещё Коломну обойдём
 под внимательным, как родина, дождём.

Мы ещё отправимся в Кизи...
 ...Ну, скажи, что любишь! Ну, скажи...

* * *

Суглинок, яблоня, кругляш известняка,
 вода в ручье
 и в нём же – облака,
 и ход воды,
 и рек воздушных ход, –
 вот жизнь моя
 и весь мой обиход.

Горячая дочерняя рука
 и знавшая меня в глаза Ока,
 два снимка на столе
 да, может, строки эти –
 вот всё,
 что от меня
 останется на свете.

